

Козлинина Екатерина Ивановна

**За полвека 1862-1912 гг.
Пятьдесят лет в стенах суда.
Воспоминания, очерки и
характеристики**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Е45

Е45 **Екатерина Ивановна К.**
За полвека 1862-1912 гг. Пятьдесят лет в стенах суда. Воспоминания, очерки
и характеристики / Козлинина Екатерина Ивановна – М.: Книга по Требова-
нию, 2025. – 623 с.

ISBN 978-5-519-89678-8

ISBN 978-5-519-89678-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПОСВЯЩАЕТСЯ
СВѢТЛОЙ ПАМЯТИ
ПЕРВЫХЪ
СУДЕБНЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ
НОВАГО СУДА.

ГЛАВА I.

Передъ судебною реформою.

Тотъ, кто прослужилъ извѣстному дѣлу десятки лѣтъ, кто въ сферѣ своей дѣятельности пережилъ нѣсколь-ко поколѣній, тотъ непремѣнно долженъ оставить свои мемуары, если и не особенно интересные для всей читающей публики, то во всякомъ случаѣ небезынтересные для тѣхъ, кому суждено вращаться въ этой же средѣ.

Исходя изъ этого положенія, я приступаю къ изложенію своихъ воспоминаній о дѣятельности и дѣтеляхъ какъ до-реформенныхъ, такъ и реформированныхъ судебныхъ учреждений.

Я выросла во времена крѣпостничества, когда уваженіе къ человѣческой личности огромнымъ большинствомъ общества считалось не только несбыточной химерой, но и предосудительнымъ волтерьянствомъ, которое весьма недвусмысленно ставилось въ укоръ идейнымъ людямъ 40-хъ годовъ, тогда еще только платонически мечтавшимъ о возможномъ освобожденіи рабовъ.

Въ то время, когда на страницахъ единственной въ Москвѣ газеты „Московскія Вѣдомости“, въ одномъ и томъ-же номерѣ, восторженно описывались подвиги боровшагося за свободу Джузеппе Гарибальди, кумира и героя всей Европы, а среди публикацій встрѣчались объявленія такого рода: „Продается свора собакъ и при нихъ доѣзжачій“ или „Продаются кровные жеребцы, при нихъ кучерь и конюха“,

публикаціи, большинству не только не казавшіяся возмутительными, но считавшіяся вполне естественными, нормальными,—въ то время, конечно, и судъ вполне соответствовалъ правамъ, царившимъ въ обществѣ, и его приемы были такъ-же некультурны, какъ некультурны были лица, среди которыхъ протекла его дѣятельность.

Но при этомъ я все-таки должна отмѣтить, что хотя теперь и принято считать судъ реформированный скорымъ, а судъ дореформенный—какою-то сплошною волокитой, но на дѣлѣ это было далеко не такъ.

Всѣ мелкія дѣла, которыя теперь подлежатъ вѣдѣнію мировыхъ судей, тогда попросту разрѣшались полиціей, и это былъ поистинѣ судъ скорый. О предварительномъ заключеніи по мелкимъ дѣламъ тогда не было и рѣчи.

Человѣка, совершившаго буйство, безчинство или затѣявшаго на улицѣ драку, постовой городской, по тогдашней терминологіи—будочникъ, влекъ прямо съ мѣста преступленія въ кварталъ, если это было время присутственное, то-есть утромъ, отъ 9 до 12 час., или вечеромъ, отъ 6 до 12; если-же проступокъ совершался въ неприсутственное время, то до наступленія такового буяна сажали въ будку и затѣмъ уже въ урочное время вели въ кварталъ.

Такимъ образомъ, хотя въ принципѣ и не существовало предварительнаго заключенія, но фактически, въ видѣ задержанія виновнаго въ будкѣ, оно примѣнялось, но не свыше 6-ти часовъ днемъ или 9-ти часовъ ночью, если проступокъ совершался послѣ полуночи.

Когда виновнаго приводили въ кварталъ, гдѣ въ присутственное время всегда дежурилъ или самъ квартальный или его помощникъ, тогда именовавшійся комиссаромъ, туда-же приглашался и участковый *добросовѣстный*. Добросовѣстный этотъ обыкновенно избирался обывателями квартала изъ своей среды на опредѣленный срокъ, и на его обязанности было присутствовать въ качествѣ добросо-

вѣстнаго свидѣтеля при каждомъ разбирательствѣ въ кварталѣ какъ по мелкимъ, такъ и по всѣмъ крупнымъ дѣламъ, и безъ его подписи полицейскіе протоколы были не дѣйствительны.

Такимъ образомъ, эта должность была до нѣкоторой степени почетной и въ принципѣ являлась гарантіей полицейскаго правосудія, и если она не всегда соотвѣтствовала своему назначенію, то это уже происходило по винѣ исполнителей, а не принципа, положеннаго въ основу суда.

Исполняйся этотъ принципъ нелицепріятно, полицейскій дореформенный судъ былъ-бы не только скорымъ, но и правымъ.

По доставленіи виновнаго въ кварталъ и по явкѣ туда добросовѣстнаго, квартальный или его помощникъ тутъ-же начиналъ творить судъ. Городовой, доставившій провинившагося и свидѣтелей преступленія, если таковые были, докладывалъ обвинительные пункты, свидѣтели или подтверждали ихъ или отвергали, обвиняемый представлялъ свои оправданія, писемоводитель все это записывалъ, и дежурный тутъ-же произносилъ свое рѣшеніе.

Если оправданія обвиняемаго заслуживали уваженія или проступокъ его былъ ничтоженъ, то судья ограничивался двумя, тремя плюхами и строгимъ внушеніемъ обвиняемому „впредь держать ухо востро“, и затѣмъ онъ отпускался съ миромъ. Довольные такимъ благополучнымъ исходомъ, и свидѣтели, и провинившійся, съ хохотомъ и прибаутками, уходили изъ квартала, а блюститель порядка, городовой, спѣшилъ получить съ оправданнаго могоарычъ за причиненное ему безпокойство, и все судебное производство заканчивалось въ часъ, много въ два.

Если-же вина обвиняемаго требовала возмездія, то дежурный приговаривалъ его къ наказанію розгами въ части, назначая отъ 10 до 20 розогъ. Въ этомъ смыслѣ тутъ-же составлялась записка, и если судьбище производилось до

12 часовъ дня, то обвиняемаго при этой запискѣ тотъ-же городской, который являлся его обвинителемъ, велъ въ часть, гдѣ ежедневно отъ 12 до 4 часовъ дня производились экзекуціи присланныхъ съ такими записками изъ всѣхъ четырехъ кварталовъ данной части.

Производились эти экзекуціи пожарными служителями части. По полученіи назначеннаго ему количества розогъ обвиняемый расписывался и, какъ отбывшій наказаніе, отпущался на всѣ четыре стороны.

И эта процедура—и судбище, и отбытіе наказанія—тоже не отнимала у провинившагося болѣе двухъ, трехъ часовъ и только въ тѣхъ случаяхъ, если судъ творился вечеромъ, наказаніе отбывалось на слѣдующее утро, а въ ожиданіи его обвиняемый проводилъ ночь въ кутузкѣ, какъ назывались тогда арестантскія камеры при частныхъ полицейскихъ домахъ. Но и въ этихъ случаяхъ весь процессъ заканчивался въ 12, много 14 часовъ.

Нѣсколько иначе обстоило дѣло съ мелкими кражами: тутъ виновнаго, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, не тащили въ кварталъ, а всякій городской былъ уполномоченъ тотчасъ-же кускомъ мѣла нарисовать кругъ на спинѣ вора и въ кругу сдѣлать крестъ и, давъ ему метлу изъ ближайшей будки, заставить его мести мостовую у мѣста совершения преступленія.

Вокругъ этого метельщика обыкновенно собиралась толпа, нерѣдко вышучивавшая его до слезъ, и никому и въ голову тогда не приходило, что это—позориѣйшее изъ издѣвательствъ надъ человѣческой личностью, а наоборотъ, каждый полагалъ, что человѣкъ, покусившійся на чужое добро, долженъ пережить публичный срамъ за свое дѣяніе.

Такихъ метельщиковъ особенно много скоплялось въ праздничные дни, когда обыватели толпами осаждали торговныя заведенія; тогда между ними шныряли воры—мужчины и женщины, иногда шикарно одѣтые, и вотъ эти-

то франты и шикарные дамы съ метлами въ рукахъ и крестами, намѣленными на синахъ дорогихъ бурнусовъ, подъ которыми онѣ прятали украденный товаръ, особенно вызывали остроты и шутки простолюдиновъ. Вокругъ нихъ устраивалось цѣлое гулянье, и это всенародное позорище обыкновенно длилось до сумерокъ, съ наступленіемъ которыхъ воровъ, если ихъ въ одномъ мѣстѣ оказывалось нѣсколько, за руки связывали вмѣстѣ одной веревкой, за конецъ которой держался городской и велъ ихъ въ часть. Тамъ они ночевали тоже въ кутузкахъ, а на утро имъ снова давали метлы, и они уже мели мостовую у казенныхъ учреждений данной части, а по окончаніи этой работы заносились въ списки воровъ и отпускались по домамъ.

Такимъ образомъ, и по мелкимъ кражамъ судебный процессъ вмѣстѣ съ отбытіемъ наказанія не превышалъ однихъ сутокъ.

И это дѣйствительно былъ скорый судъ. Не удивительно поэтому, что когда въ 1866 году стали вводиться мировые суды, къ слову сказать, въ первое время своего существованія старавшіеся не затягивать судопроизводства, они всетаки казались народу „канительными“, и долго еще слышались сожалѣнія среди простолюдиновъ о старомъ полицейскомъ судѣ, когда „отдерутъ тебя и квитъ“, и душу не выматывали хожденіемъ по судамъ, да и времени не отнимали.

Что касается болѣе крупныхъ преступленій, то слѣдствіе даже по очень важнымъ изъ нихъ тоже въ большинствѣ случаевъ производились нѣкоторыми изъ квартальныхъ надзирателей, числившихся исполняющими должность судебныхъ слѣдователей.

Слѣдствія эти производились довольно примитивнымъ способомъ. Въ каждомъ кварталѣ среди обывателей, были конечно, люди подозрительные; среди нихъ обыкновенно намѣ-

чался человекъ поспособиѣе; ему дѣлались кое-какія по-
благки, а онъ за это платилъ услугами по сыску.

Обыкновенно такой агентъ, вращаясь въ ночлежкахъ,
всегда былъ хорошо освѣдомленъ, гдѣ совершено престу-
пленіе, кѣмъ совершено и куда сбыты плоды его.

Когда являлась необходимость что нибудь разыскать,
его призывали въ кварталъ на совѣтъ, и если самъ онъ не
былъ заинтересованъ въ сокрытіи этого преступленія, то
онъ иногда прямо, иногда намеками наводилъ полицію на
слѣдъ.

И такому агенту вѣрили безусловно; если онъ говорилъ
„не знаю“, его уже больше не спрашивали, зная, что онъ
или не можетъ или не хочетъ сказать. Если же онъ гово-
рилъ, что вещи увезли туда-то, полиція безпрекословно туда
отправлялась, зная, что вещи несомнѣнно тамъ, гдѣ указано.

Иногда на этой почвѣ происходили самые неожиданные
инциденты, ярко очерчивающіе нравы того стараго добраго
времени.

Такъ однажды на Кузнецкомъ Мосту ночью былъ раз-
грабленъ мѣховой магазинъ Мичинера. Грабители унесли
самые дорогіе мѣха почти на сто тыс. руб., причемъ каж-
дый мѣхъ имѣлъ на себѣ клеймо владѣльца магазина.

Одному изъ московскихъ квартальныхъ надзирателей
было поручено произвести слѣдствіе по этой кражѣ. При-
знаетъ онъ своего агента и спрашиваетъ: „Знаешь ли ты,
Карпушка, гдѣ мѣха Мичинера?“. Карпушка прыскаетъ со
смѣха, но, видимо, стѣсняется сказать. Это интригуетъ слѣ-
дователя, и онъ настаиваетъ: „ну, чего хохочешь, если
знаешь, говори!“. „Знаю, ваше благородіе, да не смѣю
сказать“,—уже даваясь отъ смѣха, произноситъ агентъ.
Слѣдователь убѣждаетъ, и, наконецъ, агентъ сообщаетъ,
что мѣха Мичинера, всѣ до одного, находятся у пристава
такой-то части X. Слѣдователь не вѣритъ своимъ ушамъ,

но онъ знаетъ, что зря Карпушка вратъ ему не станеть, и, какъ не щекотливо его положеніе, докладываетъ объ этомъ полицеймейстеру Огареву. Х. хотя свой братъ, полицейскій приставъ, но за нимъ уже давно числятся кое-какія темныя дѣлишки, и потому полковникъ Огаревъ идетъ съ докладомъ къ оберъ-полицеймейстеру. Послѣдній предписываетъ произвести у пристава Х. обыскъ, и результатъ этого обыска превосходить всякія ожиданія.

Кромѣ мичиновскихъ мѣховъ, у Х. находятъ отлитаго изъ золота бычка съ брилліантами вмѣсто глазъ, стоимость котораго опредѣляется въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Эта находка освѣщаетъ другое темное дѣло.

За годъ передъ тѣмъ въ одной изъ московскихъ гостиницъ остановились два иностранца. На другой день одинъ изъ нихъ ушелъ гулять, а другой, воспользовавшись его отсутствіемъ изъ гостиницы, скрылся, забравъ съ собою всѣ вещи. Вернувшійся, обнаруживъ исчезновеніе своего товарища со всѣми вещами, сталъ шумѣть, чего-то требуя, что-то, повидимому, разъясняя, но такъ какъ никто изъ собравшихся на этотъ шумъ не могъ понять, на какомъ языкѣ говоритъ иностранецъ, то администрація гостиницы и послала за полиціей.

На этотъ зовъ явился самъ приставъ Х., который, произведя у иностранца обыскъ и не найдя при немъ никакихъ документовъ, отправилъ его какъ бродягу въ острогъ впродъ до выясненія его личности.

А между тѣмъ въ Петербургѣ уже разыскивался одинъ изъ владѣтельныхъ африканскихъ князьковъ, который путешествовалъ вмѣстѣ со своимъ секретаремъ и внезапно исчезъ, причемъ было извѣстно, что онъ всегда носитъ при себѣ золотого бычка съ брилліантовыми глазами, представляющаго огромную цѣнность, и которому онъ поклоняется, какъ божеству.

Вотъ по этому-то бычку, найденному у пристава Х., и былъ разысканъ ввергнутый имъ въ острогъ, обобранный своимъ секретаремъ дагомейскій князекъ.

И не случись этой кражи у Мичинера, возможно, что онъ такъ и погибъ бы въ тюрьмѣ какъ безымянный бродяга.

Обнаруженіе этихъ дѣлъ повело къ раскрытію и другихъ темныхъ дѣлъ пристава Х., и онъ былъ преданъ суду и осужденъ.

Такъ вотъ, посовѣтовавшись съ такими все знающими агентами, какъ Карпушка и ему подобные, полицейскіе слѣдователи уже сами шли дальше по намѣченному слѣду и, накрывъ тѣхъ, кто имъ требовался, приступали къ дознанію.

Это дознаніе по обычаю велось съ неизбѣжнымъ рукоприкладствомъ; пока допрашиваемого не били, онъ не довѣрялъ серьезности вопроса, иногда даже нахальничалъ, но два, три удара приводили его въ порядокъ, и дѣло налаживалось. Билъ допрашиваемого обыкновенно или самъ квартальный или его помощникъ, по большей части выслужившійся изъ городскихъ или другихъ нижнихъ канцелярско-полицейскихъ чиновъ, или, если ни квартальному, ни помощнику почему-либо самимъ драться не хотѣлось, билъ доставившій къ слѣдствію обвиняемаго городской, неизбѣжно присутствовавшій при этихъ допросахъ.

И никого изъ допрашиваемыхъ эти побои не оскорбляли и не озлобляли. Наоборотъ, дравшимся полицейскимъ народъ довѣрялъ, не считая ихъ способными къ подвохамъ, и съ другой стороны, какъ огня боялся тѣхъ, которые приступали къ дѣлу съ шуточками, да прибауточками, стараясь заставить обвиняемаго проговориться и въ то-же время измыслиая, какими-бы способами вырвать у него сознаніе,—сслѣдками-ли, послѣ которыхъ не давали пить, или клоповниками, въ которыхъ ни одинъ изъ обвиняемыхъ не ухитрился забыться сномъ хотя на минуту.